

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 8.82.111.85

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-11

Нефедова В. А.

Диалог длиной в полвека: к истории взаимоотношений
Я.П. Полонского и А.А. Фета-Шеншина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; kallerooya@yandex.ru

Аннотация: В истории философии и истории интеллектуальной культуры XIX век изучен более обстоятельно, нежели предыдущие столетия, однако многое все еще остается вне актуального пространства исторической памяти или каталогизировано с некоторой дисциплинарной условностью. Целостно мыслившие русские интеллектуалы часто оказываются либо забыты, либо прикрыты мифическим туманом. Таковым является и Яков Петрович Полонский. Исследование творческой и интеллектуальной биографии Полонского представляется актуальным, поскольку личность поэта и ее значение в развитии философской мысли XIX века по сей день не рассматривались. Однако Я.П. Полонский является одним из звеньев в цепи отечественных мыслителей своего времени. С ним были дружны А.А. Фет, А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и многие другие. В работе актуализируется проблема взаимоотношений Я.П. Полонского с А.А. Фетом-Шеншиным, поскольку общение с ним было теснее и продолжительнее, чем с любым иным современником. Выявлены взгляды обоих поэтов на сущность поэтического творчества, уточнены разногласия в области проблем перевода, конкретизированы личные отношения к мировоззренческим позициям Л.Н. Толстого. Намечен культурно-философский контекст становления творческой и житейской индивидуальности Я.П. Полонского и А.А. Фета, а также путь трансформации их взглядов на примере последней личной встречи поэтов в фетовской Воробьевке 1890 года.

Ключевые слова: Я.П. Полонский; А.А. Фет; Н.Н. Страхов; Л.Н. Толстой; Московский университет 1840-х годов; мемуарное наследие XIX века; философия поэзии; Воробьевка

Для цитирования: Нефедова В.А. Диалог длиной в полвека: к истории взаимоотношений Я.П. Полонского и А.А. Фета-Шеншина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 111-118. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-11

Valeria A. Nefedova | **The dialogue of half a century: to the history of the relationship between Yakov Polonsky and Afanasy Fet-Shenshin**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
kallerooya@yandex.ru

Abstract. In the history of philosophy and the history of intellectual culture the nineteenth century is much more thoroughly studied than the previous centuries, but much remains outside the actual space of historical memory, or is catalogued with a certain disciplinary conventionality. Whole-thinking Russian intellectuals who thought comprehensively are often forgotten or covered by mythical mists. Such is Yakov Petrovich Polonsky. The study of Polonsky's creative and intellectual biography seems relevant, since the poet's personality and its significance in the development of the 19th century philosophical thought have not been examined to this day. However, Polonsky is one of the links in the chain of Russian thinkers of his time. Fet, Grigoriev, Dostoevsky, Tolstoy, Turgenev and many others were friends with him. This work actualizes the problem of the relationship between Polonsky and Fet-Shenshin, as their communication was closer and longer than with any other contemporary. The views of both poets on the essence of poetic creativity were revealed, the disagreements in the field of translation problems were clarified, and the personal relationship to the outlook positions of Tolstoy was concretized. The cultural and philosophical context of the formation of creative and worldly individuality of Polonsky and Fet was outlined, as well as the way of transformation of their views on the example of the last personal meeting of the poets in Fet's Vorobyovka in 1890.

Keywords: Yakov Polonsky; Afanasy Fet; Nikolai Strakhov; Lev Tolstoy; Moscow University of the 1840s; memoirs of the 19th century; philosophy of poetry; Vorobyovka

For citation: Nefedova V. A. (2021), "The Dialogue of Half a Century: To the History of the Relationship Yakov Polonsky and Afanasy Fet-Shenshin", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 111-118, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-11

Тема взаимоотношений Якова Петровича Полонского и Афанасия Афанасьевича Фета в литературоведческих исследованиях проработана тщательно. Для выявления существенных перемен характера их личностного общения выделяются здесь два пласта, условные начало и конец творческого диалога поэтов. Первый – их юность, невинность мышления, студенческие годы и обсуждения философских и эстетических идей в кружке Аполлона Григорьева. Второй – уже серьезные суждения пожилых мужей, устойчивые мировоззренческие позиции, встреча давних

друзей в имении Фета в 1890 году, за два года до смерти последнего.

Когда Полонский начинает повествование «Моих студенческих воспоминаний», он на первой же странице упоминает своего приятеля Фета, ласково называя его Афоней. Уже с этих студенческих пор началась их дружба. Воспоминания двух поэтов, равно как и их современников, позволяют нам реконструировать атмосферу, в которой происходило обучение. Яков Петрович описывает свою альма-матер так: «Мы все были идеалистами, то есть мечтали об освобождении крестьян;

крепостное право отживало свой век, Россия нуждалась в реформах, и когда на престол взошел гуманнейший Александр II, где нашел он наилучших для себя помощников по уничтожению рабства и преобразованию судов, как не в среде моих тогдашних университетских сотоварищей?» (Полонский, 1988: 368).

Будучи студентом Московского университета, Полонский посещал современные ему философские кружки. Помимо ближайшего религиозно-философского кружка Ап. Григорьева, поэт был близок к кружку Н.В. Станкевича. «У кого я бывал в салонах? У Чаадаева, у Хомякова, у Киреевского, у Аксакова, даже раза два был у Герцена. Но туда ходил я не танцевать и не волочиться. Чем же я виноват, что глубокие мыслители Москвы только и жили, что в салонах, только салоны и наполняли своими речами и спорами. Если б они пошли на площадь, или в кабак, или за Москву-реку – и я тогда пошел бы за ними, ибо в них была вся тогдашняя умственная жизнь Москвы...» (Полонский, 1864). Яков Петрович если и не стремился быть социальным поэтом, социальным мыслителем, то, по крайней мере, был не прочь поразмышлять над философско-злободневными темами. Однако уже в это время Полонский, выросший в православной среде, был настроен враждебно к нигилистическим настроениям. Позже это можно будет увидеть в его поэмах, стихотворениях и прозаических произведениях.

Так, значительно позже Яков Петрович в письме к Афанасию Афанасьевичу пишет: «Отвечая Достоевским, Григорьев напал на мой стихотворный роман “Свежее преданье”, утверждая, что московский дух совершенно мне неизвестен; а я о московском духе и не думал, я описывал только то московское общество, которое знал. – Все действующие лица моего романа сколки с действительно существовавших лиц – Ключникова – Барона Шепинга – молодого Щепкина и многих других... Все тогдашнее общество, начиная с Алексея Степ<ановича> Хомякова, было

мне во 100 раз ближе, чем Григорьеву» (А.А. Фет..., 2008: 768).

Роман в стихах «Свежее преданье» задумывался Я.П. Полонским как «энциклопедия русской жизни» (Захаров, 2019: 64), но уже не во времена Пушкина (которого Полонский очень любил), а во времена Полонского. В произведении автор освещает те темы, которые волновали его современников: прежде всего, это – крепостное право, идея свободы в России; есть и живое размышление о том, как повлияли на шестидесятников сороковые годы XIX века. Некий Камков является главным героем. Я.П. Полонский с его помощью изображает идеологическую направленность мысли русского общества сороковых годов XIX века. Идеал Камкова – свобода и благородство; он типичный представитель интеллигенции середины столетия – в общественно-политической жизни является западником. Автором акцент сделан на дружеских отношениях персонажа с известными идеологами западничества своего времени: М.А. Бакуниним, Н.Х. Кетчером, А.И. Герценом: «И едет он, не забывая, / Что ждет его семья друзей, / Стаканы с чаем, кренделей / Тарелка, трубка, разговоры / На тысячу ладов, мечты, / Приятельские остроты, Философические споры, И Б., и К., и Г. ...» (Полонский, 2017). Характеризуя философскую направленность эпохи, Полонский описывает интеллектуальные настроения главного героя так: «Но тот, / Кого считал он великаном, / Кто в черепе своем вмещал / Весь мир, хотя и прикрывал / Философическим туманом / Зерно идей своих, – чей взор / В границах отыскал простор; / Нашел, что дух всему основа, / Для малого и для большого, / Для зла и для добра, – и то, / Что абсолютное ничто / Всему есть вечное начало; / Ну, словом, Гегель для него / Был первый друг и запевало. / Из отвлеченностей его / Он много разных истин вывел / И даже – чуть не оплешивел» (Полонский, 2017). Аполлон Григорьев вспоминал свои студенческие годы такими словами: «Голова рабо-

тает, как паровая машина, скачет во всю прыть к оврагам и безднам, а сердце живет только мечтательною, книжною, напускной жизнью» (Григорьев, 1988: 6). Московский университет Григорьев с иронией называл «университетом таинственного гегелизма» (там же).

В мемуарах «Ранние годы моей жизни» А.А. Фет живо и подробно описывает студенческие годы. Афанасий Афанасьевич снимал комнату у семьи Григорьевых. Вокруг Аполлона Григорьева образовался философский кружок, он невольно стал его центром. Фет описывает это время так: «А между тем в небольших комнатах стоял стон от разговоров, споров и взрывов смеха. При этом ни малейшей тени каких-либо социальных вопросов. Возникали одни отвлеченные и общие: как, например, понимать по Гегелю отношение разумности к бытию?» (Фет, 2016: 62). На этих же страницах Фет выражает свою любовь к Полонскому. Он говорит, что уже в это время видел в друге огромный поэтический потенциал, а также признается, что особенно ему нравилось, когда Яков Петрович приходил пораньше всех приглашенных и с ним можно было пообщаться уединенно, поделиться чем-то сокровенным.

Исследовательница творчества А.А. Фета И.В. Толоконникова отмечает, что, невзирая на близкое общение с Иринархом Введенским (будущим переводчиком) – с тем, кого Фет впоследствии называет «типом идеального нигилиста» – «нигилизму, как и всякому политическому радикализму, Фет ни в какой мере не сочувствовал, несмотря на то, что Фет был резко атеистически настроенным человеком» (Толоконникова, 2006: 106). Исследовательница вспоминает запись А.П. Чехова: «Мой сосед В.Н. Семенович рассказывал мне, что его дядя, Фет-Шеншин, известный лирик, проезжая по Моховой, опускал в карете окно и плевал на университет» (Толоконникова, 2006: 110).

Контекст становления личностей поэтов таков: с одной стороны, идеалистические настроения гегелевской философии, с

другой стороны, бесконечные споры о судьбе России, о том, каким же путем она идет. Что же насчет преподавателей? С.П. Шевырёв – доктор философии, настаивающий на «поэзии мысли», но в то же время ведущий активные дискуссии о западничестве и славянофильстве. Всеми любимый профессор Т.М. Грановский, близкий друг А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, глубоко уважающий философию Гегеля. Конечно же, М.П. Погодин, настаивающий на самобытном пути Руси, отчасти подерживающий идею панславизма.

На основе мемуаров мы можем сделать вывод, что Я.П. Полонский увлекался многими интеллектуальными идеями своей эпохи, примерял на себя несколько разных модных течений, проживал молодость в разных умонастроениях, искал себя. Один вечер – в религиозно-философском кружке А.И. Григорьева, другой – за обсуждением общественно-политической мысли в обществе Н.В. Станкевича.

А.А. Фет даже в столь юном возрасте предстает перед нами натурой как бы уже завершённой, с твердыми убеждениями и непоколебимой позицией. Уже на склоне жизни, в 1890 году, Яков Петрович напишет своему другу: «Ты человек во сто раз более цельный, чем я. – Ни про кого нельзя сказать то, что можно сказать о тебе. – Сразу ты был отлит в известную форму. Никто тебя не чеканил, и никакие влияния времени не были в силах покачнуть тебя <...> Ты и в студенческие годы был почти таким же» (А.А. Фет..., 2008: 862). В первом же письме к Полонскому, которое дошло до нас (датируемое 31 маем 1846 года), Фет пишет: «Да, любезный друг мой Яков Петрович, неверие и вера, живущие во мне, не плоды, выросшие на университетской скамье, а на браздах жизни, усеянных, по словам поэта, “дикими бесплодными травами”» (А.А. Фет..., 2008: 589).

Сохранилось достаточно материалов, чтобы реконструировать события лета 1890 года, которое семья Полонских провела в фетовской Воробьевке. Это необходимо для того, чтобы понять условия, в

которых были подведены предварительные итоги интеллектуальной жизни А.А. Фета и Я.П. Полонского. Прежде всего, у нас есть эпистолярные следы: А.Я. Полонский очень подробно описывает в письме к другу обстановку имения; письма А.А. Фета и Я.П. Полонского к великому князю Константину Романову, письмо Якова Петровича к А.Н. Майкову, письмо к Л.Н. Толстому Н.Н. Страхова, который перед приездом в Воробьевку останавливался в Ясной Поляне. В архивах ИРЛИ РАН сохранился дневник Полонского с записями этого лета. Помимо этого, сохранились документы другого порядка: этюды Якова Петровича с видами усадьбы друга; фотографии всех гостей и хозяев Воробьевки, сделанные С.Д. Боткиным; Жозефина Антоновна – жена Якова Петровича – создала миниатюрный слепок для будущей большой скульптуры Афанасия Афанасьевича, а также слепок его руки.

Н.Н. Фоякова в статье (см.: Фоякова, 1987) утверждает, что Фет пригласил Полонского из любезности и понимания не всегда благополучного финансового положения друга, но если посмотреть переписку двух поэтов, то можно сделать вывод, что речь идет не об одной лишь любезности. Афанасий Афанасьевич еще в октябре 1889 года пригласил семью Полонских провести с Фетом лето. На протяжении семи месяцев почти в каждом письме можно встретить слова о предстоящей встрече. Мария Петровна Боткина, жена Фета, приехав в Петербург по делам, не упустила возможности встретиться с Полонскими и лично обсудить предстоящий отдых.

В Воробьевке в это же время должен был быть Н.Н. Страхов. Он, только что приехавший из Ясной Поляны, в письме к Л.Н. Толстому описывает свое появление в имение Фета так: «В Воробьевке я вдруг попал в такие дебри речей и понятий, что меня совсем ошеломило, и я долго прислушивался, не зная, что мне говорить и делать» (Переписка..., 1914: 406). Также философ конкретизирует направленность

этих «речей», он говорит, что «разговоры идут преимущественно о поэзии» (там же). О чем же еще на склоне лет беседовать поэтам?

О сущности поэзии разговор заходит чуть ли не в каждом письме. Со студенческой скамьи поэты продолжали об этом спорить. Афанасий Афанасьевич стоит на том, что в поэзии должна быть «чистая лирика» и ничего кроме. «Философия целый век бьется, напрасно отыскивая смысл в жизни, но его – тью-тью, а поэзия есть воспроизведение жизни, и потому художественное произведение, в котором есть смысл, для меня не существует» (А.А. Фет..., 2008: 627). Фет делает акцент на переживаемом, не эксплуатируя лирическую форму в качестве выражения философских идей. В ответ на одно из присланных Полонским стихотворением он отвечает: «Если бы я сказал, что это умно, философски верно и так далее, то в сущности ничего бы не сказал, а сказавши, что это поэтично, – выскажу высочайшую похвалу, какой может ожидать стихотворение» (А.А. Фет..., 2008: 778). «Так как мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен. Зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясновидения – все <...> поэтическая деятельность, очевидно, слагается из двух элементов: объективного, представляемого миром внешним, и субъективного, зоркости поэта – этого шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника. Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане» (А.А. Фет..., 2008: 565).

Яков Петрович смотрел на поэзию по-другому, хотя иногда и был согласен с другом – порой ему казалось, что размышления наоборот губят все его труды: «...следуя твоему совету, всячески стараюсь отбояриться от рефлексий. Лезут они, черт их возьми! – Сами лезут и мешают мне» (А.А. Фет..., 2008: 888). И все же, поэзия для Полонского – особый вид осмысления действительности. «Лучшие лирические стихотворения тянут меня к

себе, потому что сами лезут мне в душу и в ней придают смысл тому, в чем никакой рассудок никакого смысла не видит» (А.А. Фет..., 2008: 629).

«Поэзия есть истина в красоте и красота в истине» (А.А. Фет..., 2008: 565), – пишет поэт. Яков Петрович понимает, что стихотворение – это не безличное, отчужденное творение. Оно идет неразрывно со своим автором, а потому «нравственная физиономия» поэта должна «видеть все в истинном свете».

Ожидая приезда Полонского в Воробьевку, Фет писал ему: «Конечно, мы будем спорить, но не драться, хотя я буду стараться окончательно вырвать у тебя рефлексивный зуб» (А.А. Фет..., 2008: 801), на что друг ему отвечает: «Вылечусь ли я от этой рефлексии, когда опять побываю у тебя в Воробьевке, – или, напротив, – так начну философствовать, что хоть святых выноси!» (А.А. Фет..., 2008: 814).

Старых друзей так же волновала проблема перевода. «В поэзии, как и во всяком искусстве, форма – все. Нет красоты – нет поэзии. А ты точность и буквальность ставишь на первое место, – и тяжело читать, и надо черт знает, как напрягать мозги, чтобы провидеть или угадывать прелесть подлинника» (А.А. Фет..., 2008: 685), – пишет к Фету Полонский. В письме к великому князю Константину Романову, в котором Яков Петрович описывает совместный досуг с хозяевами и гостями Воробьевки, лирик пишет: «Я уже когда-то писал Афанасию Афанасьевичу, что переводы слово в слово, без красоты подлинника, меня не удовлетворяют, но я уже не спорю с ним» (А.А. Фет..., 2008: 467). Вероятно, разговор о переводах произведения все же заходил, поскольку другой «воробьевский» собеседник, Н.Н. Страхов, также обсуждал в переписке с А.А. Фетом переводческие вопросы. Однако это большой разговор, который заслуживает отдельной статьи.

Есть основания предполагать, что разговоры в имении Фета велись и о мировоззренческих установках Л.Н. Толстого.

Страхов, только что приехавший из Ясной Поляны, глубоко ценил писателя и был его сторонником, в то время как Фет и Полонский резко не принимали, критиковали идеи, которые Толстой излагал в «Крейцеровой сонате». Вспоминая о совместном лете, Яков Петрович пишет Фету о том, как хорошо было «спорить с Н.Н. Страховым» (А.А. Фет..., 2008: 979).

В уже упомянутом письме Константину Романову Полонский пишет: «“Крейцерову сонату” Страхов находит высоко нравственным и беспощадно правдивым произведением» (А.А. Фет..., 2008: 468). В письме к Афанасию Афанасьевичу, по поводу прочтения «Крейцеровой сонаты» Толстого, Яков Петрович пишет так: «По моему, повесть эта – гениальна не по красоте своей, а по своей нравственной уродливости. – Она так же действует на нервы, как человек, который замахивается на тебя топором – и в то же время читает тебе проповедь. – Герой повести – никогда не любил никого, – даже лишен всякой возможности кого-либо любить, ибо сердца у него нет ни на полушку, – и что же!.. Он осмеливается устами Толстого проповедовать, что любви нет – никогда не было – и что так называемая любовь не что иное, как разврат! – Сам женился ради удобства предаваться своей похоти – и смеет думать, что все браки – таковы, – что все мужчины развратны, а все девушки продажны!.. Эдакая скотина!.. Говори все это Граф от себя – ну – могу я не соглашаться, – и все-таки буду его слушать; – но в повести говорит не Граф – а дышащий злобой и ненавистью на такую же злую и ненавидящую его до конца дней своих супружницу. – Что мешает этому глупому герою разъехаться с женой своей, вместо того чтоб, не любя ее, – ревновать – уродовать ее и убивать... По-моему – это психопат, нравственный урод, каких мало! – и этот урод хочет уверить, что все такие же уроды, – и измышляет неслыханный брак – без брачного сожителства, – и возводит в идеал всякую старую деву... у которой в жилах не кровь, а вода, подогретая на не-

угасимом жертвеннике Весталок, или черт знает что!» (А.А. Фет..., 2008: 793-794).

Афанасий Афанасьевич тоже категорично высказывается о графе Толстом: «Я никому не уступлю в безграничном изумлении перед могуществом таланта Льва Толстого; но это несколько не мешает мне с величайшим сожалением видеть, что он зашел в тернии каких-то полезных нравочучений, спасительных для человечества» (А.А. Фет..., 2008: 666). Отметим, что все собеседники явно отделяют личность автора от его произведений, в связи с чем в том же письме к К. Р. Полонский отмечает, что Николай Николаевич «свое удивление графу, как художнику, как автору “Войны и мира”, невольно переносит на графа как на проповедника своей собственной религии» (А.А. Фет..., 2008: 468).

Яков Петрович критикует не только Льва Николаевича, но современное общество вообще: «Боже мой! Какое глупое время! – Подумай, какие стихи ему нужны и какая нужна сила, чтобы вразумить его... Да и чего требовать от молодежи, когда на святой Руси – с одной стороны – проповедует Граф Л. Толстой, а с другой – Владимир Соловьев! – Один отрицает Церковь и Государство, а другой всесветную Истину видит только в Папе – и упрекает нас в излишестве патриотизма и национальных стремлений – т. е. упрекает нас в том, чего нам недостает!» (А.А. Фет..., 2008: 804). То же самое выражают его последние произведения – повесть «Нечаянно» и поэма «Собаки». Очевидно, что была большая дискуссия по социально-философской проблематике, религиозным вопросам. Полонский, вспоминая об этих разговорах, пишет Фету: «Лето мое, проведенное у тебя, было лучшим во всех отношениях за все последнее время моего земного прозябания» (А.А. Фет..., 2008: 979).

К чему же привел пройденный жизненный путь двух близких друзей, изменились ли их взгляды? В том же письме, спустя несколько месяцев по возвращении из поездки домой Яков Петрович пишет Афанасию Афанасьевичу: «Если ты пес-

симист, то вовсе не по милости Шопенгауэра: ты в студенческие годы был почти таким же» (А.А. Фет..., 2008: 862). А в письме к Страхову Фет называет Полонского «семидесятилетним младенцем». В 1888 году Фет пишет другу: «я счастлив, что после долгого времени нахожу тебя таким же милым и духовно прекрасным, каким знал тебя с отрочества» (А.А. Фет..., 2008: 621).

В одном из последних писем к Фету Яков Петрович также сетует на апатичное состояние общества и пишет: «Никаких общественных идеалов!.. А без общественных, всем равно присущих стремлений разве возможно живое интеллигентное общество!.. В наши юные года этого не было. – Не одних нас интересовала поэзия – ею интересовались не только наши ровесники, но и старики» (А.А. Фет..., 2008: 984). Самое последнее письмо, посланное Я.П. Полонским к другу, датируется 20 ноября 1892 года. Интересно, успел ли А.А. Фет прочитать это письмо? На следующий день Афанасий Афанасьевич умер.

Литература

А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. / РАН. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблюм. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.

Григорьев, А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев, А.А. Воспоминания. М.: Наука, 1988. С. 5-82.

Захаров, Э.В. Ю.Ф. Самарин как возможный прототип образа «славянофила» в стихотворном романе Я.П. Полонского «Свежее предание» // Я.П. Полонский: Личность, творчество, эпоха: Сб. ст. по мат-лам II Межд. науч.-практ. конф. (посвящ. 200-летию со дня рождения поэта). Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2019. С. 64-71.

К. Р. Избранная переписка / К. Р.; РАН, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 528 с.

Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб.: Общество Толстовско-го музея, 1914. 478 с.

Полонский, Я.П. Проза. М.: Сов. Россия, 1988. 494 с.

Полонский, Я.П. Письмо Н.Н. Страхову 9 декабря 1864 г. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0150.shtml (дата обращения 26.09.2020).

Полонский, Я.П. Свежее преданье, 2017 [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0070.shtml. (дата обращения 26.09.2020)

Толоконникова, И.В. А.А. Фет и Я.П. Полонский – студенты Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 4. С. 105-115.

Фет, А.А. Ранние годы моей жизни. Public Domain, 2016. 110 с.

Фонякова, Н.Н. Фет, его усадьба Воробьевка и семья Полонских // Памятники культуры: Письменность. Искусство. Археология: Новые открытия: Ежегодник, 1986. Л.: Наука, 1987. С. 49-63

References

A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. Kn. 2. (2008), [A. A. Fet and his literary environment. Book 2], in Bogaevskaia, K. R., Majorova, O. E., Rozenblyum, L. M. (ed.), IMLI Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (in Russ.).

Fet, A. A. (2016), *Rannie gody moej zhizni* [Early years of my life], Public Domain, Russia (in Russ.).

Fonjakova, N. N. "Fet, his Vorobyovka Estate and the Polonsky family", *Pamjatniki kul'tury: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologija: Novye otkrytija: Ezhegodnik, 1986* [Monuments of culture: Writing. Art. Archeology: New Discoveries: Yearbook, 1986], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Grigor'ev, A. (1988), "My Literary and Moral Wanderings", *Grigor'ev A. A. Vospominanija* [Grigor'ev A. A. Memories], Nauka, Moscow, Russia, 5-82 (in Russ.).

K. R. (1999), *Izbrannaya perepiska* [Selected Correspondence], in RAS, Institute of Russian Lit. (ed.), Dmitrij Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Perepiska L. N. Tolstogo s N. N. Strakhovym (1914) [The Correspondence of L. N. Tolstoy with N. N. Strakhov], Tolstoy Museum Society, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Polonskiy, Ya. P. (1864), *Pis'mo N.N. Strahovu 9 dekabrja 1864 g.* [Letter to N. N.

Strakhov 09 December 1864] [Online], available at: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0150.shtml (Accessed 29 September 2020) (in Russ.).

Polonskiy, Ya. P. (2017), *Svezhee predan'e* [A likely story] [Online], available at: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0070.shtml (Accessed 29 September 2020).

Polonskiy, Ya. P. (1988), *Proza* [Prose], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolokonnikova, I. V. "A. A. Fet and Ya. Polonsky – students of the Moscow University", *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 4, 105-115 (in Russ.).

Zaharov, E. V. (2019), "Yu. Samarin as a presumable prototype of the 'Slavophil' image in 'A likely story' Ya. Polonsky's novel in verse", *Ya. Polonsky: Lichnost', tvorchestvo, epoha* [Personality, Creativity, Epoch], Ryazan, Russia, 64-71 (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov "Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks" (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нефёдова Валерия Алексеевна, выпускница кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; kallerooya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Valeriya A. Nefedova, Graduate of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; kallerooya@yandex.ru